

СИМВОЛИКА ПРОЗЫ А.В. ГЕЛАСИМОВА

Кирушина Диана Петровна

учитель русского языка и литературы, МБОУ «Лицей 110», РФ, г.Казань

SYMBOLISM OF A.V. GELASIMOV'S PROSE

Diana Kirushina

Teacher of Russian language and literature, MBOU "Lyceum 110", Russia, Kazan

Аннотация. Символ – одно из основных понятий эстетики и литературы, изучение которого необходимо для более полного понимания художественного образа. В статье рассматриваются особенности символов в текстах А.В. Геласимова.

Abstract. Symbol is one of the basic concepts of aesthetics and literature, the study of which is necessary for a more complete understanding of the artistic image. The article examines the features of symbols in the texts of A.V. Gelasimov.

Ключевые слова: символ; образ; одиночество; двойственность окружающего мира.

Keywords: symbol; image; loneliness; duality of the surrounding world.

На данный момент достаточно сложно оценить направление развития современной литературы в силу ее разнородности, она отличается сложными жанровыми и стилевыми переплетениями. Современные авторы постоянно находятся в поиске нового, поэтому уточнение характеристики отдельных литературных явлений – одна из ведущих тем исследований в литературоведении. Известный современный писатель А.В. Геласимов – один из популярных авторов на сегодняшний день не только в России, но и в мире.

Андрей Валерьевич Геласимов (1965 г.р.) по образованию филолог и театральный режиссёр. Будучи образованным человеком, преподавателем словесности и стилистики английского языка, имея статус кандидата филологических наук, Андрей Геласимов, помимо всего прочего, стал писателем. Он вошел в литературу в начале 1990-х годов в качестве переводчика романа «Сфинкс» американского писателя Робина Кука. В 2001 году А.Геласимов издает свое первое произведение – повесть, посвященную первой любви – «Фокс Малдер похож на свинью». Она вошла в сокращенный список премии И. П. Белкина за 2001 год. После этого его творчество много раз было отмечено различными наградами: повесть «Жажда», опубликованная в 2002 году в журнале «Октябрь», также вошла в шорт-лист премии Белкина, была отмечена премией им. Аполлона Григорьева и ежегодной премией журнала «Октябрь», за роман «Рахиль» (2003 г.) автор был удостоен премии «Студенческий букер», роман «Степные боги» (2008 г.) стал лауреатом литературной премии «Национальный бестселлер». Последние его произведения появились совсем недавно и также имеют высокие

рейтинги – это исторический роман «Роза ветров» (2018 г.) и роман о русском рэпе «Чистый кайф» (2019 г.). О значимости А.В.Геласимова в современной литературе говорит также то, что его книги переведены на многие языки мира (французский, немецкий, итальянский, венгерский, эстонский). Кроме того, они включены в программу спецкурса современной русской литературы в МГУ, Литературном институте.

Главной темой произведений А.В. Геласимова является одиночество современного человека. Она раскрывается в образах его героев, которые являются обычными людьми, чаще всего представителями «потерянного» поколения эпохи перестройки. Способствует ее раскрытию и образ окружающей героев жизни, которая изображается в духе характерного для литературы периода перестройки «жесткого» реализма.

Раскрывая тему одиночества, писатель создает образы определенного типа, отличающиеся особым отношением к жизни. Каждый из его героев занимается поиском себя в этом мире, поиском гармонии с самим собой.

В рассказе «Нежный возраст» таким героем становится четырнадцатилетний подросток, семья которого находится на грани распада и который не может найти понимания среди сверстников. Например, сам он об этом говорит так: «17 марта 1995 года. Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники <...>. Семенов лезет со своей дружбой. <...> 18 марта 1995 года. Отец не дает денег на музыкальную старуху. Говорит, что я ничего не довожу до конца. Жмот несчастный. <...> он говорит – дело принципа. Сначала надо разобраться в себе. Было бы в чем разбираться» [2, с. 5].

В повести «Жажда» появляется в чем-то сходный герой – молодой парень Костя, жизнь которого перевернули события в Чечне, и теперь его обезображенное на службе лицо – символ одиночества и несбывшихся надежд.

Он напоминает героев Э. Хэмингуэя, Э.М. Ремарка, А. Барбюса, С. Фицджеральда, с которыми его сближает постоянный душевный надрыв. Формы его проявления: уход от людей, невозможность наладить с ними нормальный контакт, склонность к пьянству («Вся водка в холодильник не поместилась» [1, с. 219] – тоже напоминают героев книг этих писателей, принадлежащих к европейскому «потерянному» поколению. Водка становится его спутником, помощником в одиноком забытии. Костя постоянно чувствует «жажду», знакомую ему по воспоминаниям о директоре училища, который пил водку «как воду – стаканами».

В романе «Рахиль», в отличие от прежних персонажей Геласимова, в центре оказывается уже не молодой профессор филологии Святослав Койфман. Несмотря на возрастную разницу, есть черта, вписывающая его в ряд геласимовских героев: «исходная насильственная отчужденность от общества, с которой он приходит в мир и роман» [4, с. 161]. Как и судьба Кости из повести «Жажда», сюжет жизни профессора Койфмана задается «клеймами». Если у Константина клеймом было лишь обгоревшее в БТРе изуродованное в Чечне лицо, которое стало причиной отчуждения его от людей и счастья, то Койфман обладает самыми разнообразными клеймами: профессор, еврей, старик, шестидесятник, одиночка. В иконописи клеймами называют самостоятельные части иконы, поясняющие сюжет основной композиции, а в романе это своеобразные маски, за которыми скрывается настоящий Койфман.

Три поколения, представленные в рассматриваемых нами текстах А. Геласимова, – это образы одиноких людей, потерянных на просторах жизни. Они ищут выход из состояния неспособности сопротивляться окружающему. Их нельзя назвать отвергнутыми миром, они сами от него отстранены.

Такое одиночество побуждает героев прозы Геласимова к поиску каких-то форм обретения опоры в жизни, выхода из тупика, поиска идеальных светлых начал. Часто толчком к поиску становятся люди, выступающие в роли проводников и учителей жизни. Созданные Геласимовым образы наставников жизни отличаются от аналогичных образов, возникавших на предыдущих этапах развития русской литературы. У Геласимова такой образ представлен человеком, который вовремя появляется на пути героя и находит способ направить его на верный путь, открыть перед героем мир истинный, гуманный.

Так, для героя рассказа «Нежный возраст» таким человеком становится уже немолодая учительница музыки Октябрина Михайловна. Она появляется в жизни подростка, переживающего «нежный возраст», когда легко сломаться и сбиться с пути. Октябрина Михайловна становится «спасательным кругом» для героя, видевшего мир в серых тонах и мечущегося между понятиями «добро» и «зло».

В поисках своего места в мире, юноша приходит к ней, чтобы брать уроки музыки. Интересно, что изменения, происходящие в юном герое, оказываются связанными не с миром музыки, и в этом Геласимов выступает как реалист. Поняв, что у подростка отсутствует музыкальный талант, но при этом его одолевает желание приобщения к чему-то возвышенному, учительница предлагает ему киноленту «Римские каникулы», после просмотра которой он, не находивший идеала в повседневной жизни, обрел его в образе Одри Хепберн. Октябрина Михайловна становится для главного героя проводником в «другой мир», кардинально отличающийся от того, в котором существовал юноша.

В повести «Жажда» таким проводником для главного героя стал директор училища – Александр Степанович. Воспоминания о нем связаны со строительным техникумом, именно в этот период Костя так же, как герой рассказа «Нежный возраст», переживает переломный момент. В это время у него дома не складывались отношения с постоянно недовольной поведением сына матерью и отчимом, которого он считал просто «никем». И тут на его пути появляется Александр Степанович, разглядевший в подростке талант художника и всеми силами пытающийся развивать его способности. На фоне личных проблем рисование для Кости в тот, юношеский период, становится своего рода символом другой жизни, спасением от тяготившей действительности.

А в романе «Рахиль» герой стремится по-своему уйти от неустроенности жизни, от нищеты, голода, неудач на любовном фронте. Опустошенный моральной борьбой с внешним миром, он не замечает, что борется с ветряными мельницами. Не совпадающего с реальностью профессора уносит течение жизни, и он не в силах ему сопротивляться. На его жизненном пути так же, как у героев «Нежного возраста» и «Жажды» появляются в каком-то роде наставники, их также можно назвать его оппонентами.

Из-за неустойчивых отношений с миром каждый из геласимовских героев живет параллельно в двух мирах – мир настоящий и мир идеальный. Такое раздвоенное существование героев Геласимова обозначается при помощи символики.

Так, в романе «Рахиль» само имя профессора Святослав Койфман намекает на дуализм его происхождения и в целом жизненного пути.

В повести «Жажда» таким символом двойственности становится сам характер жизнедеятельности героя: казалось бы, он социализировался после чеченской войны, нашел работу и живет обычной жизнью, однако при этом часто закрывается в своей квартире и «выпадает» из течения жизни, глуша водкой ощущение несправедливости. Из всех Костиных воспоминаний отдельной строкой выделен момент, как он со своими сослуживцами горел в подорванном БТРе. «Когда ты с кем-то горишь в одном БТРе – после этого на многие вещи появляется совсем другой взгляд» [1, с. 225]. Именно этот момент для Кости, перечеркнувший, казалось бы, все – символ суровой несправедливой реальности.

В отличие от Кости, герой рассказа «Нежный возраст» не пытается «убежать» от реального мира, скорее, он отторгается от него, не находя в нем фундамента жизни, и пытается проанализировать, что не так. Поэтому он и ведет дневник, где описывает попытки поиска себя, своего идеала. Именно дневнику мальчишка доверяет свои тайные мысли, он даже обращается к нему, как к живому: «28 марта 1995 года: Достали меня все. И этот дневник меня тоже достал. А не пойдешь ли ты в жопу, дневник? А?» [2, с. 8]. Дневник становится символом раздвоенной жизни подростка, он отражает пропущенное через сознание героя видение реальности и созданный им идеальный мир.

Ряд символов в изучаемых произведениях связан с миром реальным, где герои стремятся подчеркнуть свою агрессию к окружающему их миру.

Так, например, в рассказе «Нежный возраст» появляются символические образы предметов, связанных с причинением телесных страданий, насилия. Например, образы автомата, палки и т.д.

Заложенная в образах автомата и палки идея насилия сопровождает описание отношения героя к реальности: он ненавидит учителей, не понимает одноклассников, отчуждается от родителей. Эти образы демонстрируют все отрицательные стороны жизни главного героя, они показывают, как реальный мир, в котором он видит только негатив и жестокость, влияет на его собственный мир. В эпизодах, где упоминаются автомат и палка, герой проявляет горячую ненависть к окружающим, которая порождает в подростке свойственное юношескому максимализму желание убивать – избавляться от того, что не соответствует его личным представлениям об устройстве мира.

Однако присутствует в этих образах и еще одна составляющая – ирония над окружающими и самим собой, которая, возможно, и позволяет герою более чутко относиться к людям, видеть в них то, чего не видят другие. Это выражено в своеобразной кинематографической эстетике картин, которые представляет герой.

В повести «Жажда» в воспоминаниях Кости Шарапова тоже появляются символические образы оружия, но, в отличие от подобных образов в «Нежном возрасте», здесь оружие воспринимается как защита от внешней агрессии, а не агрессия становится причиной возникновения образа оружия. Ведь Костя пошел в армию и взял в руки автомат именно потому, что встретился с враждебностью мира по отношению к себе, начиная с детских воспоминаний об отце, заканчивая отношением завуча, который сравнивается с «верблюдом», плюющимся от злости.

Так через символику оружия демонстрируется трансформация Костиного сознания: из робкого мальчика, не способного защитить себя, он превращается в бойца, открыто противостоящего недоброжелательности мира. Оружие не сделало Костю жестоким, но духовно он стал гораздо жестче и сильнее.

В отличие от рассказа «Нежный возраст» и повести «Жажда», в романе «Рахиль» присутствуют символы агрессии и злобы, но не в физическом плане, а в моральном. Койфман на протяжении всей жизни борется с неустроенностью своего существования. Именно незаканчивающаяся моральная борьба с часто вымышленными проблемами становится причиной дисгармонии его внутреннего мира и, как следствие, отношений с миром внешним.

Еще в 1960-х годах Святослав, не уверенный в себе молодой человек, изводит ревностью любимую жену Рахиль (именно так он называет Любу), потому что она старше, деятельная женщина, у которой были мужчины до Койфмана. Причину появившегося разлада Рахиль видит в полуеврействе героя. Отдаляясь от мужа, Люба углубляется в тему еврейской культуры, постепенно сходит с ума.

Рахиль попадет в психиатрическую клинику, где ее вылечат таблетками. Они же и погубят последнюю надежду любви: много лет после профессор узнает, что Рахиль в это время ждала своего первого позднего ребенка, и, чтобы закончить терапию, пришлось прервать ее беременность.

Койфман в ответ на это насилие обстоятельств тоже стремится ответить насилием. Он нашел объект для мести – доктора Головачева, вызвавшего, как считал Койфман, определенный интерес у Рахили. Но вся его агрессия выплеснулась не на самого доктора, а только на его модный плащ.

Попытки просто оторвать от него пуговицы не увенчались успехом, тогда Койфман берет в руки оружие, которым стали маникюрные ножницы. Маленькие маникюрные ножницы символизируют неспособность Святослава сопротивляться окружающему, его замкнутость на себе, на своем внутреннем «я». Койфману обязательно нужен помощник, менее боязливый, деятельный, имеющий твердый характер, способный направить его во внешнем мире. После расставания с Рахилью таким человеком стал Гоша-Жорик.

Он показал Койфману более действенное оружие – бритву: «На следующий день я принес бритву, и Гоша-Жорик показал мне в туалете, как надо резать плащи. Он разрезал мой халат на длинные тонкие полосы от самого воротника, а потом еще связал их между собой» [Геласимов: электронный ресурс].

В финале автор словно исцеляет героя от тотального и всепоглощающего ощущения одиночества и несовпадения с жизнью, Койфман вдруг осознает всю тщету своей постоянной зависимости от враждебных ему обстоятельств и людей. Святослав Койфман, как герой «Жажды», делает важный шаг навстречу людям, занимаясь делами Дины и Любы, и приходит к важному и доселе незнакомому познанию гармонии жизни, несмотря на напрасность всех его усилий.

В сознании геласимовских героев создается альтернативная реальность, в корне отличающаяся от реального мира. Именно здесь они находят свои нравственные идеалы, здесь описаны ценности, особенно важные для каждого персонажа. Идеальный мир обозначается с помощью иного символического ряда.

В «Нежном возрасте» главным образом, символизирующим другой мир, лучший, чем тот, который окружает героя, становится актриса Одри Хепберн. В дневнике он пишет о ней с нежностью и восхищением, чувствами, до этого ему не знакомыми: «5 апреля 1995 года. Одри Хепберн – красивое имя. Она совсем другая. Не такая, как у нас в классе. Я не понимаю, в чем дело. 6 апреля 1995 года. Снова смотрел «Каникулы». Невероятно. Откуда она взялась? Таких не бывает» [2, с. 10].

Основная функция образа-символа Одри Хепберн – показать возможность существования иного мира, отличающегося от того, который представлен в рассказе и в котором живет автор дневника. С помощью чувств, вызванных образом кинозвезды, подросток с головой окунается в идеальный мир прекрасного. Поиски такой девушки в своем окружении ни к чему не привели, поэтому сначала герой наслаждается прекрасным, как чем-то недостижимым и невозможным в реальности. Однако ему хочется перенести идеальный мир с экрана в свою жизнь, сделать прекрасным свой собственный мир, именно поэтому он неосознанно начинает все больше интересоваться тем, что делает его жизнь прекраснее, – другими фильмами с участием актрисы, музыкой, ему становится интересно беседовать с Октябрьиной Михайловной. Таким образом, символ, введенный автором в рассказ, обозначает возможность человека приблизиться к идеальному миру.

В повести «Жажда» Костя сам создает идеальный мир, он рисует его сначала на бумаге, а затем и бумага с карандашом не могут передать того, что должно быть. Рисовать Костя начал во время учебы в техникуме, тогда для его подросткового сознания недостижимым и желанным идеалом казались девушки. Директор техникума Александр Степанович разглядел в мальчике талант и начал его учить рисовать – не просто рисовать, а быть художником, то есть смотреть вглубь предмета, видеть жизнь в каждой мелочи. После внезапного отъезда своего наставника Костя теряет нить, соединяющую его с лучшим миром, забрасывает свое увлечение и уходит в армию. Однако события, произошедшие с ним, толкают героя к уже забытому увлечению – он вновь начинает рисовать. Сперва для маленького брата Славика, а затем уже просто так: «И мы ездили. А я рисовал. Рисовать мне нравилось даже больше, чем смотреть в окно. Я хотел, чтобы весь мир остался у меня на бумаге. Когда я снова вернусь домой. Потому что телевизор показывал совсем не то. Я вдруг понял, что все совсем по-другому» [1, с. 304].

Так рисование для героя снова становится символом спасения и путем к душевному излечению. На своих рисунках он изображает жизнь такой, какой она не может быть в действительности. А когда с помощью бумаги и карандаша он уже был не способен дорисовывать «то, на что у судьбы не хватило времени» [1, с. 293], он использовал только свое воображение: «Одному я дорисовывал ногу, другому жену. Третьему – убитых друзей. Четвертому – чтобы ребенок был здоровый. Я рисовал то, чего у них нет. Я рисовал сильными этих пацанов, их жен красивыми, а детей – смешными. Я рисовал то, чего у них нет. Карандашами у меня бы так не получилось» [1, с. 293]. Самые драматичные и болезненные воспоминания, появившиеся к концу повести, – ссора родителей и спасение из горящего БТР, герой словно проживает заново, а затем перерождается.

Дорисовывая всем то, чего у них уже никогда не может быть в реальной жизни, Константин никогда не рисует себя и то, что могло бы быть в его жизни. Если в начале произведения, когда Костя был подростком, рисование было для него символом спасения, то к концу повести данный символ трансформируется. Об этом свидетельствует его последняя зарисовка, где он изображает свое лицо таким, каким оно могло быть, если бы не трагичное стечение обстоятельств. Рисование становится уже не символом спасения и не способом погрузиться в другую реальность, а символом надежды. Герой приходит к осознанию того, что стоит жить.

Стоит отметить, что юный Костя во многом схож с главным героем рассказа «Нежный возраст». Каждый из них по-своему старается погрузиться в другой мир, где они могут на время забыть обо всем, что их тревожит. Для героя рассказа «Нежный возраст» эта другая действительность открывается через образ-символ Одри Хепберн, а для Кости через рисование. А директор школы, как и Октябрина Михайловна в произведении «Нежный возраст», становится неким проводником в этот лучший мир. Даже повзрослев, Константин еще не раз вспоминает об Александре Степановиче и о его напутствиях на будущее.

В романе «Рахиль» мир идеальный раскрывается через символику религиозного мифа, с помощью которого передается лучшая жизнь – воспоминания об идеальном уже прошедшем. Образно-мифологический ряд отсылает читателя к библейскому мифу о любви Иакова и Рахили. «Вот ведь мифологема – знакомство юноши девушкой, и – судьба! Навсегда» [Геласимов: электронный ресурс].

Однако Геласимов не просто копирует религиозный сюжет, он использует миф как метафорическое пространство, объединяющее героев. Выступая в роли второго плана, библейский миф является символом трагической неизбежности.

В финале Любе, единственной любви главного героя, все же удастся эмигрировать, отчего Койфман становится еще более одиноким. Однако одиночество ему теперь не так страшно, ведь он освободился от прошлого, научился сочувствовать и соучаствовать, узнал о подлинном гармоничном устройстве жизни. «Диссонанс с жизнью преодолен. Действительность гармонизирована. Можно улыбаться» [5, с. 174].

Таким образом, символика в произведениях Геласимова обозначает не только существование героев между двумя мирами, но и их движение к другому восприятию жизни. Герой повести «Жажда» от ожесточения приходит к смирению, гармонизирует свой мир, найдя выход из затворнического одиночества. Герой рассказа «Нежный возраст» на протяжении ведения дневника взрослеет, переходя в новый этап своей жизни. Станислав Койфман, главный герой романа «Рахиль», несмотря на кажущийся трагичным финал, все же обретает свободу индивидуальную, избавившись от иллюзий и ложных представлений об окружающем.

Список литературы:

1. Геласимов А.В. Жажда / А.В. Геласимов. – М.: Эксмо. – 2009. – 95 с.
2. Геласимов А.В. Нежный возраст / А.В. Геласимов. – М.: Эксмо, 2009. – 15 с.
3. Геласимов А.В. Рахиль. Роман с клеймами / А.В. Геласимов. – М.: Эксмо, 2010. – 290 с.
4. Пустовая В. Добрый доктор Геласимов: рецензия / В. Пустовая // Новый мир. – 2005. – № 2. – С. 159-163
5. Ремизова М. Гармонический диссонанс / М. Ремизова // Новый мир. – 2003. – №1. – С. 175-178.